JEL: R11, R58, Q01
УДК 332+338

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.165-179>

Еще раз о Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока

А.К. Тулохонов, А.С. Михеева, Т.Б. Бардаханова

Тулохонов Арнольд Кириллович

академик РАН, доктор географических наук, профессор

научный руководитель

Байкальский институт природопользования СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047,

Российская Федерация

E-mail: aktulohonov@binm.ru

ORCID: 0000-0001-7589-7121

Михеева Анна Семеновна

доктор экономических наук, доцент

заведующая лабораторией, главный научный сотрудник

Байкальский институт природопользования СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047,

Российская Федерация

E-mail: asmiheeva@binm.ru

ORCID: 0000-0003-1407-4441

Бардаханова Таисия Борисовна

доктор экономических наук

ведущий научный сотрудник

Байкальский институт природопользования СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047,

Российская Федерация

E-mail: tbbard@binm.ru

ORCID: 0000-0002-0040-7316

Аннотация. В статье критически оценивается содержание Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. На конкретных примерах отмечается как некорректность ряда данных, так и декларативность поставленных задач при отсутствии механизмов их выполнения и научного обоснования (при определении приоритетов развития лесной промышленности, добычи полезных ископаемых, сельскохозяйственного производства, магистральной инфраструктуры и обеспечения транспортной доступности, а также развития систем здравоохранения, образования и науки). Приводятся факты слабой проработанности разделов, характеризующих состояние социальной инфраструктуры и уровень жизни коренных народов региона, реакции уникальной по природным условиям территории на глобальные экологические

вызовы. Отмечается, что правительство по-прежнему продолжает ориентацию экономики Дальнего Востока на добычу полезных ископаемых: при огромном числе месторождений, вовлекаемых в экономику, нигде нет упоминания о необходимости полной переработки сырья и создания производств для получения конечной экспортной высокотехнологичной продукции, за исключением газохимии. Делается вывод о необходимости корректировки Национальной программы по основным параметрам в соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., с реалиями и результатами современной внешней и внутренней политики Российской Федерации.

Ключевые слова: Национальная программа, стратегия пространственного развития, повышение инвестиционной привлекательности, ресурсная ориентация экономики, нормативно-законодательная база, Дальневосточный федеральный округ

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН.

Для цитирования: Тулохонов А.К., Михеева А.С., Бардаханова Т.Б. Еще раз о Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 165–179. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.165-179>

Once Again about National Program for Socio-Economic Development of Far East Russia

A.K. Tulokhonov, A.S. Mikheeva, T.B. Bardakhanova

Arnold Kirilovich Tulokhonov

Academician RAS, Doctor of Sciences (Geography), Professor

Research Supervisor

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, 6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

E-mail: tbard@binm.ru

ORCID: 0000-0001-7589-7121

Anna Semynovna Mikheeva

Doctor of Science (Economics)

Chief Researcher

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, 6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation

E-mail: tbard@binm.ru

ORCID: 0000-0003-1407-4441

Taisiya Borisovna Bardakhanova

Doctor of Science (Economics)

Leading Researcher

Baikal Institute of Nature Management SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation

E-mail: tbard@binm.ru

ORCID: 0000-0002-0040-7316

Abstract. The article critically evaluates the contents of the adopted National Program for Socio-Economic Development of Far East Russia for the period up to 2024 and as far as 2035. Specific examples indicate both inaccuracy in some data and the declarative nature of the tasks set in the absence of mechanisms for their implementation and scientific justification (when determining the priorities for the forest industry, mining, agricultural production, trunk infrastructure and transport accessibility, as well as the development of public health services, education and science). There is shown a lack of detail in sections describing the state of soft infrastructure and the standard of living of the indigenous peoples of the region, the reaction of the region unique in terms of natural environment, to global environmental challenges. It is stressed that the federal government is still orienting the economy of Far East Russia to extraction of mineral resources: under a great number of fields involved in the economic turnover there is even no mention of a need for complete processing of raw materials and launching production in these fields to obtain finished high-tech export products except gas chemistry. The authors conclude that it is necessary to adjust the National Program in terms of the main parameters in accordance with National Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025, with the realities and effects of the current foreign and domestic policy of the Russian Federation.

Keywords: National Program, National Strategy of Spatial Development, enhancing investment attractiveness, resource orientation of economy, regulatory and legal framework, Far Eastern Federal District

Acknowledgements. The paper presents the effects of state budget research carried out by Baikal Institute of Nature Management SB RAS.

For citation: Tulokhonov A.K., Mikheeva A.S., Bardakhanova T.B. Once Again about National Program for Socio-Economic Development of Far East Russia. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 165–179. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.165-179> (In Russian).

Прошедший 2020 г., кроме пандемии COVID-19, ознаменовался принятием руководством страны многих важных документов, влияющих на жизнь российского общества, в числе которых Указ Президента РФ «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» (О мерах..., 2020) и распоряжение Правительства РФ об утверждении «Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» (Национальная..., 2020).

Проект Национальной программы был разработан Министерством по развитию Дальнего Востока и Арктики и 30 апреля 2019 г. был направлен в различные органы власти субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, с предложением в недельный срок направить свои замечания. Судя по тексту Программы, в подготовке окончательного варианта приняло участие около 230 тыс. граждан Российской Федерации, большая часть которых проживает на Дальнем Востоке. В этом обсуждении принимал участие и один из авторов, опубликовавший год назад свой коммента-

рий к проекту Программы в журнале «ЭКО» (Тулохонов, 2019b). Однако, судя по окончательному тексту Программы, безымянные коллеги в Минвостокразвитии РФ не сочли нужным принять к сведению указанные замечания и предложения.

Поэтому важность данного правительственного документа уже в ранге государственной директивы заставляет еще раз вернуться к его новому содержанию и тем направлениям, которые определяют жизнь российского общества почти на половине территории страны. Прежде всего, необходимо отметить, что данное распоряжение далеко не первое в перечне директив государства по развитию дальневосточных территорий. Поэтому при составлении очередного плана целесообразно дать анализ всей предшествующей экономической истории региона, причин низкой эффективности современной экономики.

Можно согласиться с тем, что после новых административных изменений площадь Дальневосточного федерального округа составила 6953 тыс. км², или 41% общей площади Российской Федерации, на которой проживают 8169 тыс. человек, или 5,6% населения страны. Вместе с тем, большие сомнения вызывает тот факт, что одним из ключевых конкурентных преимуществ этого региона определено «наличие крупнейших в мире запасов природных ресурсов, которые могут стать базой для новых масштабных производств, в том числе 81% запасов алмазов, 51% леса, 37% пресной воды, 33% водных биоресурсов, 44% золота, 27% газа и 17% нефти» (Национальная программа..., 2020, с. 2). Поражает не столько «точность» этих данных, а больше их некорректность. Ранее в проекте Программы речь шла о сравнении запасов природных ресурсов Дальнего Востока со странами АТР. Вероятно, авторы документа в погоне за масштабностью преимуществ Дальнего Востока оставили прежние цифры и сравнили их уже с мировыми запасами. Между тем, по данным ООН, запас древесины в лесах России составляет только 20% мирового запаса и занимает второе место в мире после Бразилии (The State..., 2020, p. 10). Даже по отношению к Сибири общий объем древесины на Дальнем Востоке меньше почти в два раза. Не следует особо обольщаться и по поводу других оценок природных ресурсов, где утверждается лидерство РФ среди мировых держав. В связи с этим авторы вновь вынуждены повторить, что такие вольности в официальной статистике непозволительны для документов государственного уровня. Однако «воз и ныне там».

Другие замечания изложены по тексту Программы. В перечислении редкой сети научных учреждений Дальнего Востока «выпал» Бурятский научный центр СО РАН (Национальная..., 2020, с. 3). Кроме того, необходимо отметить, что в результате реформы академической науки все регио-

нальные научные центры утратили координирующие научные функции и превратились в рядовые бюджетные организации. На той же странице при перечислении крупнейших промышленных центров в области авиа-, судо- и автомобилестроения «забыт» Улан-Удэнский авиационный завод, выпускающий большую «линейку» военной и гражданской продукции, в том числе вертолеты и самолеты для малой авиации.

Вызывает удивление приводимая статистика о сокращении миграционного оттока населения жителей Дальнего Востока и ежегодном уменьшении на 0,3–0,5% (Национальная..., 2020, с. 4). Однако если суммировать данные по субъектам РФ, входящим в ДФО, то миграционная убыль населения равна 214,6 тыс. человек, что по отношению к общей численности населения в 8,2 млн человек составляет уже 2,6%.

Также отмечается, что «в период с 2014 по 2019 год промышленное производство на Дальнем Востоке выросло на 31,5% (в РФ на 10,9%)» (Национальная..., 2020, с. 6), что само по себе вызывает большие сомнения. Тем более, что далее утверждается: «В период 2012–2018 годов валовой региональный продукт Дальнего Востока не изменился, то есть в реальном выражении остался на уровне 2011 г.» (Национальная..., 2020, с. 8), что намного ближе к истине.

На этой же странице указано, что «на Дальнем Востоке запущена реализация 2468 новых инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 4,46 трлн руб. и созданием 186 тыс. рабочих мест. Цифры по средней стоимости одного инвестиционного проекта, составляющей 1,81 млрд руб., на первый взгляд впечатляют. Но разделив количество рабочих мест на число указанных проектов, получим, что эти важные проекты обеспечивают работой в среднем по 75 человек. Невольно вспоминаются комсомольские стройки недавнего прошлого с многотысячными коллективами, возводящими стратегические для страны объекты.

Особое внимание в Программе уделяется повышению инвестиционной привлекательности ключевых отраслей экономики (Национальная..., 2020, с. 10). Для этого предполагается повышение уровня геологической изученности территории в целях вовлечения в освоение ресурсного потенциала недр. Все указанные мероприятия необходимы, однако возникает вопрос о механизмах их достижения. В период плановой экономики все современные объемы запасов полезных ископаемых достигнуты усилиями многотысячных орденоносных территориальных геологических управлений в каждом дальневосточном субъекте РФ. Сегодня упразднены Министерства геологии СССР и РСФСР, от бывших геологических служб в регионах остались отделы численностью 3–4 человека, которые охраняют «бесценные» геологические фонды.

Некоторые руководители в высших эшелонах власти надеются на расширение запасов в недрах за счет привлечения частного капитала. Для них надо еще раз отметить специфику российских олигархов, которые прежде всего имеют целью достижение задач личного обогащения в интервале не далее завтрашнего дня. По этой же причине на всей территории Дальнего Востока упразднены все отраслевые научные институты, некогда входившие в систему Министерства геологии. А без науки и практики искать полезные ископаемые – дело безнадежное.

Для развития лесной промышленности предлагаются три мероприятия: а) увеличение таможенной пошлины на вывоз необработанной древесины; б) создание цифрового сервиса «Лесвосток» и в) стимулирование частных инвестиций в строительство лесных дорог. Однако и эти благие желания совершенно не учитывают местной ситуации, когда в результате «заградительных» пошлин на вывоз круглого леса в лесной отрасли более 70 тыс. дальневосточников остаются без работы, и эти прогнозы сделаны без учета последствий пандемии. В очередной раз московский чиновник полагает, что запретными мерами можно повысить переработку древесины. Между тем в лесной отрасли ДФО отдача с одного рубля тем меньше, чем глубже переработка. Поэтому лесная отрасль Дальнего Востока в результате таких реформ понесет дополнительные убытки на 60–70 млн руб. (Дмитракова, 2020).

Как и в любой ресурсной экономике, повышение эффективности в одном регионе невозможно без совершенствования всей государственной нормативно-законодательной базы. По оценкам, в 2018 г. в России было заготовлено около 10% мирового объема необработанной древесины, а в мировом экспорте ее доля составила уже 15% (Блам, 2019).

Многие годы после развала системы Минлесхоза расходы на лесное хозяйство превышают доходы от продажи лесной продукции. В лесном хозяйстве Республики Бурятия в 2017 г. расходы на ведение лесного хозяйства составили 678,3 млн руб., а лесные доходы – только 322, 9 млн руб., в том числе на древесину на корню 236,2 млн руб.

Огромный ущерб лесному хозяйству региона наносят лесные пожары, когда возрастает количество этих стихийных бедствий по вине человека, в том числе из-за умышленных поджогов. Между тем в России в настоящее время количество лесников примерно такое же, как в Белоруссии, а большинство работников отрасли сократили ради экономии средств (Антонов, 2020). При этом реально охраняют леса только в европейской части России вокруг крупных городов. Любопытно, что возрастает экспорт древесины в лесную Финляндию, в которой, как и в Китае, бережно относятся к собственным лесным богатствам и предпочитают закупать по дешевке российскую древесину.

Во многом причины такого состояния в несовершенном Лесном кодексе, который широко «открывает» ворота всевозможным расхитителям, где установлена государственная (общенародная) собственность на природные ресурсы. Мы уже привыкли к тому, что «вокруг все народное и все вокруг мое». А рядом существует эффективная экономика Финляндии, где в частном владении находится 53% лесных земель и 64% запаса леса на корню, а государству принадлежит только пятая часть лесных богатств (Петров и др., 2018).

В отличие от первого варианта Программы, в новом документе появилось упоминание о необходимости повышения инвестиционной привлекательности сельского хозяйства (Национальная..., 2020, с. 12). Однако такое «внимание» опять же сводится только: а) к сбору информации о целевом использовании земель сельскохозяйственного назначения; б) «созданию и (или) модернизации тепличных хозяйств и мощностей для хранения овощной продукции» и в) «кредитованию в агропромышленном комплексе». Между тем на Дальнем Востоке природные, экологические условия и географическое положение позволяют создать агроиндустрию для обеспечения качественным продовольствием самые густонаселенные государства Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако для этого нужны районированные сорта семян, местные высокоэффективные породы животных и производство продуктов питания, отвечающие мировым стандартам, в том числе конфессиональным особенностям населения Юго-Восточной Азии, где востребована «халальная» продукция. И опять же такие задачи невозможны без современной аграрной науки. Между тем упразднены Российская академия сельскохозяйственных наук, опытные агрохимические и ветеринарные станции, и теперь все ученые агрономы и зоотехники вместо выполнения прямых обязанностей пишут платные статьи в зарубежные журналы.

Можно согласиться с тем, что необходимы развитие магистральной инфраструктуры и реализация крупнейших инфраструктурных проектов на транспорте. В Программе предлагается увеличить суммарную провозную способность Транссиба и БАМа в ближайшие 10 лет более чем в два раза и довести объемы до 210 млн тонн. Эти планы свидетельствуют о том, что Россия и далее намерена увеличивать свою сырьевую зависимость за счет таких крупногабаритных и сыпучих грузов, как уголь, лес, зерновые, удобрения, металл, занимающих основную часть экспорта. Для решения этой задачи правительство, в нарушение федерального закона «Об охране озера Байкал»¹, разрешило сплошные рубки в особоохраняемой центральной экологической зоне оз. Байкал.

¹ Об охране озера Байкал (с изменениями на 31 июля 2020 года): федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. № 254-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732256> (дата обращения: октябрь 2020).

Между тем прокладка второй колеи БАМа невозможна без строительства новых байкальских тоннелей и проведения взрывных и других горных работ, которые запрещены тем же законом. Мы помним и о том, что самый протяженный в стране Северо-Муйский тоннель строился четверть века. В этих целях широко использовались проходческие комплексы зарубежных фирм, приобретение которых сегодня невозможно из-за санкций.

Поэтому с точки зрения экономической целесообразности ключевым направлением оптимизации транспортной инфраструктуры Азиатской России должно стать не увеличение протяженности грузовых перевозок, а их оптимизация, и в том числе за счет сокращения объемов сырьевого экспорта и встречных порожних перевозок. При этом по образцу наших восточных соседей необходимо обратить внимание на рост контейнерных перевозок товаров с высокой добавленной стоимостью, которые уже не требуют большого вагонного парка и строительства новых железнодорожных путей. Следует отметить, что развитие «зеленой» экономики неизбежно сократит объемы потребления российского угля на внешних рынках, а также повлияет на планы расширения угольных перегрузочных терминалов в российских морских портах.

Глава государства В.В. Путин на заседании возглавляемого им Попечительского совета Русского географического общества не раз упоминал о необходимости повышения уровня географических знаний, для чего был введен географический диктант, а экзамен по географии стал обязательным предметом при поступлении в ведущие вузы страны. Однако ощутимых результатов пока нет. Иначе невозможно объяснить, почему в Программе в перечне регионов Дальнего Востока, граничащих с провинцией Хэйлунцзян Китайской Народной Республики, нет Забайкальского края (Национальная..., 2020, с. 17). К сожалению, в Программе не упоминается, что Республика Бурятия и тот же Забайкальский край граничат и с Монголией, которая вообще не рассматривается в числе приоритетов международной торговли дальневосточных регионов.

К недостаткам знаний по экономической географии следует отнести и тот факт, что в перечислении многочисленных второстепенных автомобильных пунктов пропуска не выделены такие стратегические КПП, как Забайкальск и Кяхта, через которые идет основной поток перевозок в Китай и Монголию, а среди воздушных пунктов пропуска «забыт» аэропорт «Байкал» в г. Улан-Удэ, единственный на Дальнем Востоке, который имеет высший пятый международный уровень «свободы воздуха».

В разделе «Повышение качества жизни на Дальнем Востоке до уровня выше среднероссийского, включая развитие человеческого капитала, кадрового потенциала и формирование комфортной среды для жизни» много

внимания уделяется развитию системы здравоохранения и созданию благоприятных условий для рождения и воспитания детей. Однако в Программе нет даже упоминания о необходимости подготовки кадров врачей и среднего медицинского персонала, представляющей из себя проблему, которая сегодня в условиях пандемии COVID-19 перешла в разряд катастрофических. Кроме того, построив десятки и сотни детских дошкольных учреждений и школ, все дальневосточные регионы столкнулись с проблемой нехватки учителей и воспитателей, которые, имея минимальные зарплаты, массово мигрируют в центральные и южные регионы России.

Особого внимания заслуживает раздел, посвященный развитию системы образования и науки, который в основном свелся к массовому строительству школ, спортивных залов и другим техническим мероприятиям. Между тем во времена плановой экономики все масштабные государственные программы начинались с научного обоснования. Самый первый документ электрификации России начинался с поручения ведущим ученым разработки плана ГОЭЛРО, который был выполнен менее чем за 10 лет. Академия наук принимала самое активное участие в составлении и реализации всех пятилетних планов развития экономики Советского Союза. Освоение природных богатств Сибири также начиналось с организации в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР и строительства новосибирского Академгородка и научных учреждений в регионах Сибири и Дальнего Востока. Для освоения зоны БАМа при Академии наук СССР была создана специальная комиссия.

На этом фоне как-то скромно выглядят планы развития науки на Дальнем Востоке, которые сводятся в Программе к упоминанию о необходимости приобретения и установки оптических инструментов для наблюдений за солнечной активностью в Институте солнечно-земной физики СО РАН, расположенном в Иркутске. Дело даже и не в том, что Иркутск не относится к территории Дальневосточного федерального округа, а более всего в том, что приобретение любых, даже самых дорогостоящих астрофизических приборов, не может влиять на решение задач, поставленных в Программе. Эти несколько строк о развитии науки как-то «бледно» выглядят в сравнении с длинным перечнем объектов по развитию физической культуры и спорта.

Развитие Дальнего Востока немыслимо без обеспечения транспортной доступности. 1265 населенных пунктов не имеют круглогодичной связи автомобильных дорог с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования. Для решения этого вопроса планируется реконструкция объектов в 33 аэропортовых комплексах, восстановление 209 посадочных площадок. Много это или мало? В. Распутин в повести «Прощание с Матерой» пишет, как при всех недостатках советского времени на затерянный в долине р. Ан-

гары остров, который осенью должен уйти под воду и где, может быть, проживала от силы пара сотен жителей, «в последние годы дважды на неделе садился на старой поскотине самолет, и в город ли, в район народ приучился летать по воздуху». По маршруту Улан-Удэ – Иркутск в день летало до десяти рейсов, сегодня это в лучшем случае один, и то не каждый день. Из более чем двадцати сельских районов Республики Бурятия сегодня воздушное сообщение имеют только три районных центра.

Много внимания в документе уделяется развитию программы «Дальневосточный гектар». Автор как сенатор крайне критично относился к этому документу при его обсуждении в Совете Федерации. При огромных заброшенных просторах бывших сельскохозяйственных земель в европейской части России и даже вблизи больших городов нет особого смысла вкладывать ресурсы в освоение дальневосточных земель, в то время как разрушаются сотни и тысячи деревень, оставшиеся после колхозов и совхозов, в которых уже нет электричества и дорог. И надо быть безнадежным оптимистом, чтобы привлечь наших граждан из европейской части страны на Дальний Восток возможностью создать на одном гектаре целины эффективные фермерские хозяйства или развивать туризм.

Можно предположить, что идея «дальневосточного гектара» появилась как повторение столыпинских реформ, в результате которых на Дальний Восток переселилось более 2 млн безземельных крестьян из европейской части страны. Однако, в отличие от куцега гектара, выделяемого вдали от городов и поселений, столыпинская реформа, по словам дальневосточного вице-губернатора, предлагала переселенцам: «Пашите земли, сколько вспашете. Скотины держите, сколько сможете. Леса рубите, сколько нужно. Нам по сердцу богатый мужик. А власти гарантируют вам закупку хлеба, мяса, пушнины в любых количествах. О сбыте не думайте, рядом – Китай, Корея. Купцы все продадут. Накормили Европу, накормим и китайцев. Богатейте, меньше пьянствуйте, больше работайте, Богу молитесь» (Яковлев, 2005). Какая краткая и точная суть земельной реформы, и как жаль, что авторы современных аграрных преобразований незнакомы с исторической литературой.

К сожалению, без внимания остались и предложения одного из авторов (Тулохонов, 2019b) о развитии экономики и культуры коренных народов Севера и Дальнего Востока в сравнении (по аналогии?) с такой же ситуацией в Канаде и на Аляске, что принципиально отличает этот регион от других федеральных округов. С авторской точки зрения, именно состояние социальной инфраструктуры и уровень жизни коренных народов региона могут служить индикатором реализации всей Национальной программы развития Дальнего Востока.

В Программе уникальность природных условий региона сводится только к перечислению запасов природных и рекреационных ресурсов и, к сожалению, отсутствует раздел, посвященный природоохранным мероприятиям, проблемам исследований климата, борьбы со стихийными явлениями. Между тем на этой территории расположены оз. Байкал и вулканы Камчатки, входящие в число участков мирового природного наследия, знаменитые «Ленские столбы», мерзлотные ландшафты Арктики, при разрушении которых происходят выбросы парниковых газов, техногенные катастрофы.

Большая часть Программы посвящена основным направлениям социально-экономического развития отдельных дальневосточных субъектов РФ. В рамках статьи нет возможности детального обсуждения планов развития всех дальневосточных регионов, и поэтому можем отметить в этих разделах отдельные моменты.

Как указано в Программе, основной фактор, сдерживающий экономическое развитие Республики Бурятия – «отнесение более половины всей территории к особоохраняемой Байкальской природной территории, режим которой исключает осуществление хозяйственной деятельности (63% площади Республики Бурятия входит в Байкальскую природную территорию)» (Национальная..., 2020, с. 44). В этой фразе ложно как отнесение территории Республики Бурятия к категории особоохраняемых территорий, так и возможность на ней «исключения хозяйственной деятельности». Согласно природоохранному законодательству, к категории особоохраняемой природной территории относятся национальные парки, заповедники, заказники и другие охраняемые территории, на которых, тем не менее, разрешаются определенные формы хозяйственной деятельности.

Большие сомнения вызывают планы строительства горнолыжных комплексов в пос. Селенгинск и в Тункинском районе, где нет необходимых природных условий для их создания (Национальная..., 2020, с. 46). Далее, вновь развитие науки в Республике Бурятия свелось к повторению планов расширения астрофизической обсерватории Института солнечно-земной физики в г. Иркутске, отмеченных ранее в разделе «Развитие образования и науки». Тем не менее это одно из немногих достоинств Республики Бурятия, ибо в планах развития других дальневосточных субъектов РФ наука даже не упоминается. Другим, к сожалению, дискуссионным преимуществом Республики Бурятия является пункт, где предлагается «увеличение численности сотрудников территориальных подразделений МВД РФ на территории Республики Бурятия на 194 человека» (Национальная..., 2020, с. 50). Вряд ли можно предположить, что количество полицейских станет фактором ускорения социально-экономического развития республики.

Не совсем корректно начинается раздел по развитию экономики Республики Саха (Якутия), где утверждается, что «ключевым конкурентным преимуществом Республики Саха (Якутия) является ее минерально-сырьевой комплекс, крупнейший в РФ (более 645 млн тонн извлекаемых запасов нефти, 53,1% урана и...)» (Национальная..., 2020, с. 51). Без особого обоснования и уточнения развитие экономики региона связывается со «строительством Центра обработки (каких?) данных в г. Якутске (2023 год)» и «строительством креативного (какого?) комплекса и центра биотехнологических исследований и разработок в г. Якутске (2023 год)».

В разделе по экономике Забайкальского края обращает на себя внимание крайне небрежное отношение к тексту, где на не очень точном русском языке и опять без всяких уточнений указано: «обеспечение инфраструктурой Аргунского и Жерловского месторождений урана», «комплексная реконструкция участка Карымская – Забайкальск», «строительство (реконструкция) вертолетной (посадочной) площадки», «приобретение 19 единиц медицинского оборудования», «обеспечение закупки авиационных работ в объеме 638 штук в целях оказания медицинской помощи» (Национальная..., 2020, с. 61, 62). В планах развития Приморского края указано «строительство свиноводческих комплексов, молокоперерабатывающих заводов, комбикормовых заводов и элеваторных комплексов». Можно только догадываться о причинах игнорирования животноводства, птицеводства и т. д. Следует полагать, что такие многочисленные общие и безадресные формулировки необязательны для исполнения и, более того, исключают возможность их контроля.

Из рассмотрения направлений социально-экономического развития отдельных дальневосточных субъектов РФ следует, что правительство по-прежнему продолжает ориентацию экономики Дальнего Востока на добычу полезных ископаемых. При огромном числе месторождений, вовлекаемых в экономику, нигде нет даже упоминания о необходимости полной переработки сырья и создания производств для получения конечной экспортной высокотехнологичной продукции, за исключением газохимии.

Особый интерес представляет сравнение экономических показателей дальневосточных субъектов РФ, оценка эффективности и разнообразие инвестиционных политик в них. К примеру, в Хабаровском крае ВРП увеличился на 1% (2013–2018 гг.), а объем инвестиций в основной капитал снизился на 40% (Национальная..., 2020, с. 82), в Камчатском крае ВРП увеличился за эти же годы на 14,5%, а объем инвестиций сократился на 19,1% (Национальная..., 2020, с. 67), в Сахалинской области рост ВРП на 6% сопровождается падением инвестиций на 25,9% (Национальная..., 2020, с. 105), в Амурской области ситуация обратная – ВРП снизился на 7,2%, а объем

инвестиций вырос почти в 2 раза (Национальная..., 2020, с. 92). Исходя из этих данных, можно предположить, что инвестиции либо не играют особой роли или даже «тормозят» региональную экономику, либо статистика, как обычно, далека от реальных оценок.

Следует отметить, что все планы социально-экономического развития Дальнего Востока могут быть реализованы только при условии стагнации общероссийских темпов развития и стабильности ситуации на внешних рынках. Между тем развитие экономики центральных регионов России продолжается с большим ускорением, что приведет к дальнейшей экономической дифференциации центральных и периферийных регионов страны и возрастанию бюджетного дефицита во всех дальневосточных субъектах РФ. Что касается внешних факторов, существует реальная угроза снижения транзитных грузопотоков по Транссибу и БАМу за счет кратного увеличения в последние годы китайского экспорта в Европу через Казахстан. Резкое сокращение грузовых транзитных перевозок по российским железным дорогам ожидается и после увеличения грузоперевозок по Северному морскому пути. Странам Азиатско-Тихоокеанского региона становится невыгодной перевалка европейских грузов в дальневосточных портах при наличии более эффективного морского транспорта.

На фоне абсолютного сокращения населения всех дальневосточных субъектов РФ происходит его концентрация в крупных городских агломерациях и вдоль основных транспортных магистралей. Поэтому важнейшей задачей всех федеральных экономических программ должно стать закрепление сельского населения, развитие фермерских хозяйств, что особенно актуально для приграничных территорий. К сожалению, об этом Программа умалчивает.

В любом случае, документ уровня Национальной программы не может быть простым перечислением строительства даже очень важных социальных объектов. Прежде всего, все мероприятия должны иметь общие программные цели и задачи, объединенные между собой системными связями. Кроме того, следует полагать, что развитие экономики Дальнего Востока должно соответствовать «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Стратегия..., 2019). Однако авторы данной Программы даже не упоминают о существовании такого документа. Между тем в упомянутой Стратегии для всех субъектов РФ, включая и дальневосточные регионы, указаны как перспективные, так и неперспективные экономические специализации с выделением критически важных. Можно не соглашаться со многими деталями этого документа, связанным с недостаточной квалификацией его исполнителей (Тулохонов, 2019а). Однако цель, задачи, приоритеты и принципы пространственного развития Рос-

сийской Федерации в равной степени относятся и к развитию экономики Дальнего Востока.

В сумме указанный перечень замечаний и предложений к Программе развития такого стратегически важного для России региона, как Дальний Восток, свидетельствует о необходимости ее корректировки по всем основным параметрам, в соответствии с реалиями и результатами современной внешней и внутренней политики РФ. В ином случае она рискует повторить путь своих предшественников и уйти в историю в качестве очередного мифа неизвестных исполнителей, далекого от реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов Ю.* Лес страны чудес // Аргументы недели. 2020. 28 октября – 5 ноября. № 42 (736).
- Блам Ю.Ш., Машикина Л.В.* Проблемы и перспективы развития лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности // ЭКО. 2019. Т. 49. № 11. С. 45–62. <https://doi.org/10.30680/ЕCO0131-7652-2019-11-45-62>
- Дмитракова Т.* Шумит тайга // Лесная промышленность. Приложение к «Российской газете». 2020. 18 сентября. № 210 (8264). URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/fascicle/4/14/01/41401-1600358357.pdf> (дата обращения: декабрь 2020).
- Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2014 года и на перспективу до 2035 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р. URL: <http://base.garant.ru/74687526> (дата обращения: октябрь 2020).
- О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока: Указ Президента РФ от 26 июня 2020 г. № 427. URL: <http://base.garant.ru/74305869> (дата обращения: сентябрь 2020).
- Петров В.Н., Каткова Т.Е., Карвинен С.* Сравнительный анализ экономических показателей лесного хозяйства России и Финляндии // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 2. С. 294–319. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-2-294-319>
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. / Министерство экономического развития РФ. 2019. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения: июнь 2019).
- Тулохонов А.К.* Есть ли у России стратегия пространственного развития, или Еще раз о реформах в российском государстве // Экономист. 2019а. № 4. С. 3–9.
- Тулохонов А.К.* О «Национальной программе развития Дальнего Востока»: реальность и мифы // ЭКО. 2019б. Т. 49. № 12. С. 90–104. <https://doi.org/10.30680/ЕCO0131-7652-2019-12-90-104>
- Яковлев А.Н.* Уроки Столыпина // Здравый смысл. 2005/2006. № 1 (38). URL: <https://razumru.ru/humanism/journal/38/content.htm> (дата обращения: июнь 2020).
- The State of the World's Forests 2020. Forests, biodiversity and people / FAO; UNEP. 2020. <https://doi.org/10.4060/ca8642en>

REFERENCES

- Antonov Yu. Wonderland Forest. *Argumenty Nedeli* [Arguments of the Week], 2020, October 28 – November 5, no. 42 (736) (In Russian).
- Blam Yu. Sh., Mashkina L.V. Problems and Development Prospects of the Forestry and Logging Industry. *EKO = ECO Journal*, 2019, vol. 49, no. 11, pp. 45–62. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-11-45-62> (In Russian).
- Dmitrakova T. The Noise of the Taiga. *Lesnaya Promyshlennost. Prilozhenie k Rossiyskoy Gazete* [Forest Industry. Appendix to the Russian Newspaper], 2020, September 18, no. 210 (8264). Available at: <https://cdnimg.rg.ru/pril/fascicle/4/14/01/41401-1600358357.pdf> (accessed December 2020). (In Russian).
- National Program of Socio-Economic Development of the Far East for the Period up to 2024 and for the Future up to 2035: Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 2464-r of September 24, 2020.* Available at: <http://base.garant.ru/74687526> (accessed October 2020). (In Russian).
- On Measures for the Socio-Economic Development of the Far East: Decree of the President of the Russian Federation No. 427 of June 26, 2020.* Available at: <http://base.garant.ru/74305869> (accessed September 2020). (In Russian).
- Petrov V.N., Katkova T.E., Karvinen S. Comparative Analysis of Forestry Economic Indicators of Russia and Finland. *Ekonomicheskiy Zhurnal VSHE = HSE Economic Journal*, 2018, vol. 22, no. 2, pp. 294–319. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-2-294-319> (In Russian).
- Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2025: Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 207-r of February 13, 2019.* Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 2019. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (accessed June 2019). (In Russian).
- The State of the World's Forests 2020. Forests, Biodiversity and People.* FAO, UNEP, 2020. <https://doi.org/10.4060/ca8642en>.
- Tulokhonov A.K. About the 'National Program for Development of the Far East': Reality and Delusions. *EKO = ECO Journal*, 2019b, vol. 49, no. 12, pp. 90–104. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-12-90-104> (In Russian).
- Tulokhonov A.K. Does Russia have a Strategy for Spatial Development or once again about Reforms in the Russian State. *Ekonomist* [Economist], 2019a, no. 4, pp. 3–9. (In Russian).
- Yakovlev A.N. The Lessons of Stolypin. *Zdravyj Smysl* [Common Sense], 2005/2006, no. 1 (38). Available at: <https://razumru.ru/humanism/journal/38/content.htm> (accessed June 2020). (In Russian).

Поступила в редакцию / Submitted: 20.11.2020

Принята к публикации / Revised: 07.12.2020

Опубликована online / Published online: 25.12.2020